

Бэтмен и Робин вернулись с патруля мрачнее грозовой тучи.

Оба молча застыли перед Альфредом, едва сдерживая желание немедленно отправиться на поиски Сатору и собственноручно выдрать этого мелкого паршивца.

— А по-моему, выглядит весьма недурно, — невозмутимо заметил Альфред, помогая им снять элементы тяжелой брони.

— Альфред! — Брюс сердито зыркнул на своего дворецкого.

Этой ночью они с Диком патрулировали город до самого рассвета. И практически каждый встречный при виде них замирал в глубоком недоумении. Преступники спотыкались на бегу, а некоторые особо обнаглевшие типы даже пытались протянуть к ним руки — за что Брюс с Диком тут же отправляли их в глубокий нокаут, расценив подобные жесты как попытку сопротивления.

Вся нелепость ситуации вскрылась лишь под конец дежурства, во время традиционной встречи с Гордоном у прожектора.

Комиссар, мирно потягивавший чай, при виде напарников едва не поперхнулся и разразился затяжным кашлем.

— Это у вас... новый тактический прием? — выдавил он, пытаясь справиться с приступом.

— О чём ты? — Бэтмен нахмурился, не понимая причин такого веселья.

— Я про твои уши. И про спину Робина, — Гордон уже открыто ухмылялся.

За долгие годы совместной работы он привык видеть в защитнике Готэма сурового, молчаливого воина в непроницаемо-черных доспехах. Столь очеловеченным — и даже забавным — Темный Рыцарь перед ним еще не представал.

Как оказалось, кончики черных ушей на маске Бэтмена кто-то заботливо выкрасил особым люминесцентным пигментом. В кромешной тьме он оставался невидимым, но стоило Брюсу сделать шаг в круг света, как его макушка вспыхивала неоновом-розовым цветом. Дику же на спину шлепнули два аккуратных отпечатка ладоней, расходившихся в стороны наподобие ангельских крылышек.

Неудивительно, что готэмские бандиты реагировали столь странно.

Свернув патруль на час раньше, Бэтмен и Дик летели в поместье на максимальной скорости, мечтая лишь об одном — поймать вредного белобрысого котяру и призвать к ответу.

— Где Сатору?

— Спит. В такой час детям давно положено быть в постели, — Альфред многозначительно перевел взгляд на Дика. — Будете ложиться так поздно, молодой господин Дик, — перестанете расти.

— Альфред, я ещё расту! — Дик шутливо повис на руке дворецкого, полностью игнорируя накупившегося рядом Брюса. Наклонившись к самому уху старика, он заговорщически зашептал: — Он правда спит?

Неужели этот мелкий засранец действительно улегся в кровать, вместо того чтобы злорадствовать и наслаждаться триумфом?

— О да, — подтвердил Альфред. — Ровно за десять секунд до вашего появления он скрылся в своей спальне.

Дик неопределенно буркнул что-то под нос. Спускать это с рук он не собирался.

На следующее утро Дик, преодолевая жуткую сонливость, поднялся ровно в шесть часов. Под удивленным взглядом Альфреда он решительно направился к спальне Сатору и без стука ворвался внутрь.

Спальня мальчика напоминала царство мягкости. Пол и кровать были завалены огромными подушками, матрасами и гигантскими плюшевыми игрушками, на которых так удобно валяться и дурачиться. Сам виновник ночного переполоха спал, зарывшись между двумя огромными зверями — снежным барсом и красным лисом со странной, косой челкой. Брюс долго не мог понять, зачем игрушечному лису эта нелепая прядь на лбу, но поскольку Сатору топал ногами и требовал именно такой дизайн, заказ выполнили без лишних вопросов.

Беловолосый подросток спал богатырским сном, укутавшись в одеяло по самый нос. Тонкие белые пряди слегка вздрагивали в такт его ровному дыханию.

— Сатору! — Дик с разбегу запрыгнул на постель. Его сильные руки мгновенно поймали скользкого, изворотливого паршивца, прижали к матрасу и принялись нещадно щекотать.

Зажатый в тиски Годжо покатился по кровати, заливаясь звонким смехом.

— Ты хоть понимаешь, как мы из-за тебя опозорились, а? — Дик прижался щекой к его лицу, шутливо бодая. Короткая щетина заколола кожу Сатору, заставляя того отчаянно уворачиваться. Подросток попытался оттолкнуть нападавшего, но прозвище «Чудо-мальчик» Дик носил заслуженно. Без использования проклятой энергии, одной лишь физической силой

Сатору просто не мог сдвинуть с места этого упрямого гимнаста.

— Брюс там сейчас лопнет от злости! — Дик сгреб паренька в охапку, завернул в одеяло, словно в кокон, и навалился сверху всем телом, утыкаясь лицом в его мягкие волосы, будто тискал любимого кота.

— Розовый Бэтмен оставляет куда более глубокое впечатление в сердцах преступников! — задыхаясь от смеха, выдавил Сатору. Прижавшись ухом к шее Дика, он благодаря обостренным чувствам мага-заклинателя отчетливо слышал его ровное, сильное сердцебиение. От этого звука веяло странным, убаюкивающим спокойствием.

Дик возился и дурачился, пока усталость окончательно не взяла свое. Он вернулся в Бэтпещеру только к четырем часам утра и поспал от силы пару часов. Стоило ему на мгновение затихнуть в тепле постели, как веки налились свинцом, глаза закрылись сами собой, и он мгновенно отключился прямо рядом с Сатору.

Спустя час Брюс, также едва державшийся на ногах от недосыпа, приоткрыл дверь в детскую. Он планировал устроить мелкую пакость в ответ, но замер на пороге при виде умильной картины: два его воспитанника, большой и маленький, свернулись калачиком под одним одеялом и мирно посапывали.

«Ладно...» — мысленно вздохнул Брюс.

Зевнув, он присел на край кровати и мягко провел ладонью по волосам сыновей. Сонная одурь навалилась свинцовой тяжестью. Решив не бороться с ней, он просто повалился на матрас, натянул одеяло и сгреб обоих мальчишек в охапку. Уткнувшись лицом куда-то между ними, он закрыл глаза, и его дыхание вскоре выровнялось.

В полдень, когда солнце Готэма поднялось в зенит, Альфред остановился у дверей пустой мастер-спальни. Большой Бэт, обычно предпочитавший отсыпаться в своей постели после тяжелых ночей, бесследно исчез. В Бэтпещере тоже никого не было.

Дворецкий понимающе улыбнулся и направился к комнате Сатору. Так и есть. К сонной синей птичке, которую он заметил еще утром, присоединилась взрослая особь. Брюс спал без задних ног, надежно укрыв своих птенцов широкими объятиями.

Почувствовав, как в комнату проник полוג света от приоткрытой двери, Брюс недовольно заворчал и попытался зарыться поглубже под одеяло вместе с детьми.

Альфред мягко прищурился, испытывая искреннюю гордость за свое решение заказать кровать и одеяла королевского размера. Теперь три летучие мыши могли спать в тепле и уюте, не боясь

СКВОЗНЯКОВ.

Впрочем, жалости на сегодня лимит был исчерпан. Одним резким движением Альфред распахнул тяжелые портьеры.

Комнату мгновенно залил яркий солнечный свет, и в то же мгновение раздался стройный, согласный стон трех сонных голосов.

Обычное готэмское утро началось по расписанию.

Брюс Уэйн совершил невозможное — он послушно сидел в своем кабинете в Уэйн Энтерпрайзис и разбирал скопившиеся документы. Он переворачивал плотные листы, тратя на чтение каждой страницы едва ли секунду, после чего размашисто шлепал штамп. Любому случайному зрителю было очевидно: миллиардер просто отбывает повинность.

Все эти файлы Брюс уже давно изучил через компьютер Бэтпещеры, так что бумажная волокита оставалась чистой формальностью. Он сладко зевнул. Достаточно поставить последнюю подпись, и можно ускользнуть домой, чтобы доспать положенные часы.

Но тут в кабинет скользнула секретарша с очередной — еще более внушительной — стопкой папок и одарила шефа лучезарной улыбкой.

Эти документы были абсолютно новыми. А значит, Брюсу придется въедливо вчитываться в каждую строчку, выискивая скрытые ловушки и юридические лазейки, которые совет директоров так любил подсовывать своему «номинальному» боссу. Обычно эту головную боль он без зазрения совести перекладывал на Люциуса Фокса.

— Разве эти бумаги не должен был забрать Люциус? — плаксиво протянул «Бруси», состроив несчастную мину перед секретаршей.

— Господин Фокс передал, что если вы хотите получить желаемое, вам придется потрудиться, — вежливо ответила девушка, явно недоумевая, почему исполнительный директор вдруг заговорил загадками с их праздным президентом.

Брюс тут же перестал притворяться дурачком. Он ненадолго задумался, после чего вздохнул и приготовился провести этот день как образцовый и трудолюбивый бизнесмен.

Ему жизненно необходимо было выпустить Сатору в свет. Как минимум для того, чтобы тот переключил свое бытие через край внимание на что-то, кроме Бэтпещеры и его личного арсенала. Брюсу совсем не улыбалась перспектива обзавестись розовой бэт-броней, даже если Альфред из чистого вредительства снабдит ее функциональными крыльями.

Но физическое состояние Сатору накладывало серьезные ограничения. Его уникальные, аномальные глаза требовали колоссального количества энергии, буквально выжигая мозг. Без постоянного притока сахара мальчик рисковал заработать тяжелейший шок и угодить на больничную койку. А потерять сознание в Готэме — особенно где-нибудь в подворотне — означало добровольно вручить себя в руки первому встречному бандиту.

Чтобы минимизировать риски и гарантировать безопасность Сатору (ведь даже если его похитят в бессознательном состоянии, статус Уэйна заставит преступников трижды подумать перед тем, как причинить ему вред), Брюс решил официально признать его членом семьи. И сделать это через громкое заявление в прессе.

Эту процедуру следовало провести еще в момент оформления опеки, точно так же, как они в свое время поступили с Диком. Публичный анонс, неизбежная кратковременная шумиха в газетах, а затем — заслуженное спокойствие.

Для Дика это объявление когда-то стало нерушимым якорем. Подтверждением того, что Брюс Уэйн взял его под крыло не ради минутной забавы и никогда не выбросит на улицу.

Сатору нуждался в такой же опоре.

Мальчик будет счастлив, Альфред удовлетворен, и единственным пострадавшим в этой схеме оставался Люциус Фокс, который сейчас находился в одном шаге от корпоративного убийства своего начальника.

— Я хочу официально объявить о Сатору. Признать его моим законным наследником, наравне с Диком, — твердо заявил Брюс, стоя перед рабочим столом Люциуса с самым непреклонным выражением лица.

— Вы хоть знаете, сколько раз за этот месяц отдел по связям с общественностью требовал прибавки к жалованью? — Люциус медленно поднял взгляд от финансовых отчетов, его голос так и сочился тихой обреченностью.

Чтобы покрыть расходы на новые бэт-игрушки, их статьи расходов на исследования и разработки в этом квартале раздулись до такой степени, что налоговая служба уже начала коситься в их сторону с явным подозрением. И это не говоря о баснословных суммах, уходивших на поддержание репутации Брюса как непутевого плеябоя и выкуп компрометирующих материалов у прессы.

Когда Брюс усыновил Дика, общество взорвалось волной возмущения. От избалованного миллиардера никто не ждал высоких моральных стандартов.

Тем более в Готэме, где если бросить кирпич в толпу, то из десяти человек восемь окажутся закоренелыми преступниками, а оставшиеся два — кандидатами на их место. В таком городе вера в чистые помыслы богачей стремилась к нулю.

Все знали, что уцелевший сын «Летучих Грейсонов» чертовски хорош собой и гибок. Разумеется, тут же поползли грязные слухи о том, что пресыщенный Уэйн завел себе красивую живую игрушку.

В какой-то момент таблоиды буквально захлебнулись мерзкими домыслами, а шепотки о том, что Брюс Уэйн — педофил, разносились по всем светским раутам.

К счастью, пиар-служба Уэйн Энтерпрайзис среагировала молниеносно. Брюс лично завалил суды исками о клевете, разорив парочку особо наглых издательств.

Позже Дику самому пришлось выступить перед телекамерами, твердо заявить, что он живет в прекрасных условиях, окружен заботой и никогда не подвергался ничему предосудительному. Только тогда скандал удалось замять.

И все же тень тех старых слухов до сих пор не исчезла окончательно.

И вот теперь Брюс Уэйн снова стоял перед Люциусом с тем же упрямым, непрошибаемым видом, требуя усыновить еще более миловидного ребенка с крайне туманным прошлым.

— Если вы хотите моей скорой кончины от инфаркта на рабочем месте, господин Уэйн, так и скажите, — вздохнул Люциус.

— Я уверен, вы справитесь, господин Фокс, — Брюс мгновенно нацепил маску легкомысленного «Бруси» и очаровательно захлопал своими стально-голубыми глазами.

— Вы случайно не знаете, где можно нанять киллера, способного убрать Бэтмена?

— Боюсь, шансы на успех крайне малы. Бэтмен, как вы знаете, парень на редкость живучий, — ничуть не смутившись, похвалил себя Брюс.

— Какая невыразимая жалость, — искренне резюмировал Люциус.

<http://bllate.org/book/19544/1956465>